

**Финно-угорский и тюркский ритуал инициации невесты:
общее и специфичное в традиционных сакральных знаниях
(на примере обских угров и казахов)**

А. Б. Наурзбаева

*Казахская национальная консерватория имени Курмангазы,
г. Алматы, Республика Казахстан,
naurzbaeva_a@mail.ru*

Ж. Н. Шайгозова

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
г. Алматы, Республика Казахстан,
zanna_73@mail.ru*

С. П. Кульсариева

*Казахский научно-исследовательский институт культуры,
г. Алматы, Республика Казахстан,
aribasya@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. Свадебные обряды относятся к наиболее устойчивым элементам традиционной культуры. Сравнительный анализ ритуала перехода / инициации невесты у обских угров и казахов демонстрирует не только специфические этнические черты, но и общие элементы, проявляемые в церемонии проводов невесты из отцовского дома, периоде «без статуса» и обрядах включения её в новый род / семью.

Цель: на основе сравнительного анализа ритуала инициации невесты в финно-угорском (обских угров) и тюркском (казахов) свадебном обряде определить общее и специфичное в традиционных сакральных знаниях этих народов.

Материалы исследования: теоретические труды по финно-угорской и тюркской свадебной обрядности, устные сообщения информантов и полевые исследования авторов.

Результаты и научная новизна. Анализ финно-угорской (обских угров) и тюркской (казахов) свадебной обрядности показал, что ритуал инициации невесты в обеих культурах состоит из трёх этапов: церемонии проводов невесты из отцовского дома, периода «без статуса» и обряда включения в новый родственный коллектив. Подобное структурное единство соответствует космологическому пониманию ритуала инициации как первоосновы нового статуса невесты.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые представлен сравнительный анализ финно-угорских и казахских (тюркских) свадебных ритуалов перехода / инициации невесты. Установлены универсальные структурные элементы свадебных обрядовых действий, содержащие как общие черты, так и этнические различия.

Ключевые слова: сравнительный анализ, обские угры, казахи, свадебная обрядность, ритуалы инициации невесты, традиция

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта Министерства образования и науки Республики Казахстан АР09259280 «Языки казахской культуры как основа этнической идентичности: семиотика и семантика».

Для цитирования: Наурзбаева А. Б., Шайгозова Ж. Н., Кульсариева С. П. Финно-угорский и тюркский ритуал инициации невесты: общее и специфическое в традиционных сакральных знаниях // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 388–397.

**Finno-Ugric and Turkic ritual of initiation of a bride: the common and specific in
traditional sacred knowledge (on the example of the Ob Ugrians and Kazakh peoples)**

A. B. Naurzbaeva

*Kurmangazy Kazakh National Conservatory, Almaty,
Republic of Kazakhstan,
naurzbaeva_a@mail.ru*

Zh. N. Shaygozova

*Abai National Pedagogical University,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
zanna_73@mail.ru*

S. P. Kulsarieva

*Kazakh Research Institute of Culture,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
aribasya@gmail.com*

ABSTRACT

Introduction: wedding rituals are the most stable elements of traditional culture. A comparative analysis of rituals and ceremonies of the transition/initiation of a bride among the Ob Ugrians and Kazakh peoples demonstrate not only specific ethnic traits, but there are also common elements manifested in the ceremony of sendoff a bride from her father's house, the period of «without status» and the rites of inclusion in a new genus/family.

Objective: on the basis of a comparative analysis of a bride's initiation ritual in the Finno-Ugric (Ob-Ugric peoples) and Turkic (Kazakh peoples) wedding rite, to determine the general and specific in the traditional sacred knowledge of these peoples.

Research materials: theoretical works on the Finno-Ugric and Turkic wedding rituals, oral reports of informants and field research of the authors.

Results and novelty of the research: the analysis of Finno-Ugric (Ob-Ugric peoples) and Turkic (Kazakh people) wedding rituals has proved that the rituals of a bride's initiation in both cultures are divided into three stages: the bride's sendoff ceremony from her father's house, the period of «without status», and the rite of inclusion into a new family. This structural unity corresponds to the cosmological understanding of the initiation ritual as an origin of the bride's new status.

The scientific novelty of the work is that it shows for the first time a comparative analysis of the Finno-Ugric and Turkic wedding rituals of transition/initiation of a bride. The universal structural elements of wedding ritual activities have been established, containing both common and ethnic differences.

Key words: comparative analysis, Ob-Ugric people, Kazakh people, wedding rituals, rituals of bride initiation, tradition.

Acknowledgments: the article was prepared within the project of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan AR09259280 «Languages of Kazakh culture as the basis of ethnic identity: semiotics and semantics».

For citation: Naurzbaeva A. B., Shaygozova Zh. N., Kulsarieva S. P. Finno-Ugric and Turkic ritual of initiation of a bride: the common and specific in traditional sacred knowledge (on the example of the Ob Ugrians and Kazakh peoples) // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (2): 388–397.*

Введение

Обращение к трудам исследователей рассматриваемых культур, в которых в той или иной степени освещаются вопросы, связанные с проблематикой данной статьи, расширяет возможности проведения сравнительного анализа финно-угорского и тюркского ритуала инициации невесты в поисках общего и особенного в традиционном сакральном мировосприятии этих народов.

В контексте настоящего исследования большой интерес представляют работы: Г. А. Корнишиной [10; 11], Ф. В. Плесовского [16], И. Рюйтел [36], Ю. Ю. Сурхаско [24], Л. С. Христороубовой [30], Т. П. Федянович [29], Л. В. Ямурзиной [32].

Элементы духовной культуры, традиционная обрядовая практика и непосредственно свадебная обрядность обских угров рассмотрена в трудах З. П. Соколовой [22], Е. И. Ромбандеевой [20], Т. Р. Пятниковой [17], Т. В. Волдиной [2], Г. А. Гумеровоной [5], Е. А. Климовой [8], С. А. Поповой [15], В. С. Ивановой [6] и многих других.

Множество исследований посвящено изучению свадебной обрядности тюркских народов (казахов). Среди них особое место занимает труд Н. О. Тадышевой [37], в котором исследуется ритуальный код традиционной свадебной обрядности тюрков Саяно-Алтая; алтайская свадебная обрядность XIX–XX вв. рассматривается в работах Н. А. Тадиной [25]; свадебные обрядности кыргызов и узбеков исследуются А. Мурзакметовым [14]; казахские свадебные обряды раскрыты в труде Х. А. Аргынбаева [1]; вопросы преемственности и традиций в современной семейно-свадебной обрядности казахов изучаются Ж. Н. Шайгозовой и др. [31] и др.

Обряды перехода и их внутренняя последовательность рассматриваются в трудах А. ван Геннеп [4], В. В. Тернер [27], А. Брук [33], П. Хеджес [34], Ш. Райт [38] и др.

В настоящей статье сравнительное исследование ритуалов переходов в свадебной обрядности обских угров и казахов проведено с целью выяв-

ления этапов (схем) обряда перехода невесты в финно-угорской и тюркской культурах, а также общего и специфичного в процессе инициации невесты в традиционной культуре рассматриваемых этносов.

Материалы и методы

Материалами изучения свадебной обрядности обских угров служат труды вышеперечисленных исследователей и обзор этнографических выставок «Звон танцующей судьбы» (Музей Природы и человека, г. Ханты-Мансийск, 2017), «Со светом солнца сравнить тебя можно. Свадебные традиции обских угров» (Этнографический музей под открытым небом «Торум Маа», г. Ханты-Мансийск, 2019).

Материалами для изучения казахской свадебной обрядности являются, помимо отмеченных выше трудов, полевые исследования авторов статьи, собранные в разные годы (2010–2019) в Казахстане (Алматинская, Карагандинская и Туркестанская области), частично дополненные материалами 2020 г. по Алмаатинской и Карагандинской областям. Последние данные стали основой включения номинационного файла 2019 года «Беташар – казахский свадебный ритуал» (координатор Ж. Н. Шайгозова) в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО (Representative List of Intangible Cultural Heritage) от Республики Казахстан.

В ходе исследования использованы ретроспективный, сравнительно-сопоставительный, структурно-функциональный и семиотический методы, которые позволяют расширить понятийный и концептуальный аппарат исследования, а также описать семиотическое значение обрядов инициации невесты и роль других участников в этих обрядах.

Результаты

Группа свадебных церемоний у многих народов, по А. ван Геннепу «включает в себя обряды отделения и промежуточные обряды и заканчивается обрядами, либо предварительного включения в новую среду, либо обрядами отделения от переходного состояния. Затем следуют свадебные обряды включения в новую среду и часто обряды супружеского соединения» [4, 109]. Тем самым подтверждается универсальность трёх взаимосвязанных частей обряда перехода (в разных вариациях): обряды отделения, промежуточные обряды и обряды предварительного

присоединения. Данная структура обрядов (ритуалов) перехода наблюдается у финно-угорских [10; 11; 13; 16; 17; 20; 21; 22; 23] и тюркских народов [1; 14; 25; 31].

Первым ритуалом свадебного обряда (помимо предварительного обручения, сватовства или сговора родов/семей) является отделение невесты, входящее в общую церемонию ухода невесты из отчего дома. В финно-угорской культуре этот ритуал, по сути един, но имеет множество вариантов у разных народов. Исследователь культуры манси С. А. Попова рассматривает весь свадебный обряд как ритуал перехода – «смерти» девушки и «рождения» женщины [15, 131]. Обход родни невестой (или прощание с невестой родни в её доме) и прощание невесты со сверстниками символизируют прощание с родными и отчим домом, с девичьей жизнью и сверстниками. Согласно, Г. А. Корнишиной, этот обряд практиковался у коми, карел («ходить невестой»), у мордвы «родственники сами перед свадьбой приходили прощаться с невестой» [10, 124]. Данный обряд, называемый предсвадебный обход невестой родственников и молодёжи у коми, по Ф. В. Плесовскому, имел следующие особенности: невеста совершала обход с причитальщицей и ближайшими подругами. Эти причитания на Удоре именовались «Плач царевны» [16, 32].

По Е. И. Ромбандеевой, у манси в день сватовства в доме невесты устраивается семейное торжество, куда приглашаются самые близкие родственники невесты и жениха. Невеста за стол не садится – она находится с подругами за пологом (*хасапсай, хашапан*) и с этого момента соблюдает обычай «избегания» (носит закрытую одежду, платок и не показывает лицо старшим родственникам жениха) [20, 84–85]. В этом контексте З. П. Соколова отмечает, что у манси во время сватовства жених на невесту «надевал платок – знак замужней женщины. Она закрывала им лицо от мужа и его старших братьев» [22, 419].

В целом, «у ханты и манси в отличие от других народов Сибири очень ярко представлен обычай избегания» [22, 425]. В хантыйском языке существуют специальные термины для обычая взаимного избегания среди родственников, находящихся в условной оппозиции (*мень* ‘невеста’ – *ун* ‘старшие родственники жениха’, *вең* ‘зять’ – *ун-тат* ‘мать жены и другие ее родственницы’ и др.) [26, 27–28]. Обычай избегания соблюдали не только женщины (невеста, мать невесты), но и жених, и мужчины-родственники (система оппозиций).

У югорских хантов за пологом *урутсай* «прятались» жених и невеста в домах и жениха, и невесты, при этом жених мог выходить из-под него [13, 162].

Манси называют и сам полог, который находится в доме жениха, и процесс введения в таинство супружества *хасап сайн тулаве*, где *мань уп* находится в ожидании супруга. Термин *хасап сайн тулаве* обозначалось «как некое сакральное действие... букв. от слов «полог» и «вводить в таинство» [15, 131].

Примечательно, что у казахов обычай укрывания невесты от посторонних глаз за белой занавеской *шымылдырык* практикуется в доме жениха до исполнения ритуала *беташар* (открывания лица). Аналогичная занавеска *кошоого* с целью укрытия новобрачной существует и у кыргызов [14, 24].

В структуре ритуалов отделения невесты у финно-угорских народов особенно выделяется омовение невесты в бане, которое, видимо, в силу преимущественно кочевого образа жизни у казахов не прослеживается. Ритуальное омовение невесты зафиксировано у коми, карел [16; 24] и других финно-угорских народов. Считалось, что «во время этого ритуала невеста прощалась с девичеством» [10, 125]. У вепсов в процессе свадебной обрядности практиковались три ритуальные бани (две предсвадебные для невесты и жениха, а также послесвадебная для молодоженов). По И. Ю. Винокуровой, «девичья баня» вепсов имела полифункциональный характер: очищение, отторжение от прежней жизни, посвящение в сакральное женское знание и др., которая неизменно сопровождалась причитаниями [3, 60].

Особый интерес привлекает обряд причитания / плача невесты в разных культурах. Так, у хантов Нижнеобского ареала при выходе из родительского дома и в пути невесте полагалось плакать [13, 130]. У манси невеста тоже плакала-причитала [20, 83–84]. Смысл причитаний в структуре карельской свадьбы рассматривает У. С. Конкка [9], ижорской свадьбы А. Ненола-Каллио [35], на северорусской свадьбе В. П. Кузнецова [12], который сводится исследователями к мысли, что в них «отражается мифологическая модель мира, включающая элементы разных уровней – от макрокосма до человека» [12, 174].

К примеру, сюжетная линия причитаний карельской невесты содержала обращение к иконе, святым, к предкам, к родителям с поклоном, брату и т. д. Порой невеста в своих причитаниях

могла обратиться и к сватам (кроме жениха). Свадебные причитания, называемые *сынсу*, присутствуют и в казахском свадебном обряде: невеста исполняла их во время прощального визита к родственникам. Обычно каждая невеста-казашка сама сочиняла свою песню-причитание, или обращалась к услугам поэта-акына. В *сынсу* невеста благодарила своих родителей, прощалась с девичьей жизнью и пела о своих надеждах и мечтах о будущей жизни. Прощальная песня исполнялась невестой или приглашенной на эту роль женщиной в момент отъезда невесты в дом жениха. Во время проводов невесты гостями с её стороны исполнялась часть ритуальной песни *жар-жар*. Эта песня исполняется в виде традиционного казахского импровизированного устно-поэтического состязания *айтыс* между гостями со стороны жениха и невесты, а по смыслу является песней-наставлением с пожеланиями счастливой жизни адресованной новобрачной.

Семантико-символическое наполнение обычая закрывания лица невесты с помощью ритуального головного убора в рассматриваемых культурах трактуется как уход невесты из рода отца (ритуальная временная смерть). К примеру, у манси «лицо невесты закрывают платком, сверху она покрыта тонким сукном, она неутешно плачет» и, «раньше невесту увозили лёжа, а жениха усаживали в другие нарты», – пишет Е. И. Ромбандеева [20, 88].

Обряд закрывания лица невесты ритуальным платком существует в мордовской культуре и у народов, проживающих на о. Кихну. У ханты невесту в дом будущего мужа везли на санях или лодке, а «над санями делали покрытие и на нём укрепляли перевязанные сплетённым невестой шнуром платки и куски тканей», которые впоследствии «дарили свёкру, свекрови и гостям, часть предназначалась почитаемому духу», а в «пути молодая обязательно закрывала лицо» – отмечает Е. П. Мартынова [13, 47]. Переезд невесты в дом жениха сопровождался также и рядом охранительных действий, которые характерны и для казахской культуры. Так, иногда вместо невесты, надев на себя традиционный головной убор *саукеле*, ехала жена её брата [1, 105].

Согласно С. Е. Сэрпиво, у ненцев «невесту под руки выводили из чума и укладывали в женскую нарту, закрыв пологом, нарта привязывалась к нарте жены свата или матери жениха [23, 89], т. е. положение невесты в нарте как у покойника было горизонтальным. С. А. Попова обряд положения

невесты в нарте, украшенной колокольчиками и ленточками, связывает с погребальным обрядом, что в целом характерно для переходной обрядности [15, 131].

В казахской культуре перед отъездом невесты в дом жениха, мать новобрачной надевала ей на голову ритуальный головной убор – *саукеле*, закрывая лицо покрывалом *желек*. Этот период невесты характеризуется исследователями как период «без статуса» (И. Рюйтел) или «пороговое состояние» (В. П. Кузнецова). «Невеста «теряет» свой голос, поэтому свадебная причитальщица причитывает за неё. В «пороговый» период просватанная девушка должна или молчать, или говорить особым «языком причитаний» [12, 167].

А. П. Решетникова пишет, что «по традиционным воззрениям, и роженица, и невеста находятся как бы в особом пространстве, преодолеть границы которого способно только пение... невеста во время первой свадьбы в своём доме как бы умирает для своих и «возрождается» в доме мужа, поэтому все её действия в промежуточном состоянии между «своим» и «чужим» миром символизируют это переходное состояние, при котором она уже не может, как обычно, общаться с родными, отсюда её прощание не речевое, а поющее» [19, 104].

После завершения всех церемоний в доме невесты: прощание, оплакивание, расплетание и переплетение кос, переодевание, смена головной убора, снаряжение невесты в виде даров или приданного, усаживание в транспорт (нарта, конь и т. д.) наступает следующий цикл обрядов, относящийся к «промежуточным». В рассматриваемых культурах наблюдаются сходные элементы встречи невесты в доме жениха. В разных локальных группах ханты имеют различия: в одном случае невесту в дом заводит мать жениха, в другом крестная жениха. В некоторых случаях практиковалось обведение невесты вокруг или внутри дома, а также под ноги невесты стелились шуба или шкура, иногда белая ткань (например, на о. Кихну). У сыгвинских манси невесту вводят в дом жених и сваха. Её раздевают и усаживают за стол рядом с женихом» [20, 88]. У казахов невесту по дорожке из ткани белого цвета, называемой *акжол* ‘белая дорога’, в дом (юрту) заводят *женгелер* – жёны старших братьев или других старших родственников жениха.

Особый интерес представляют свадебные ритуалы, связанные с огнём (символизирующие приобщение к роду мужа). У финно-угорских

народов в первое утро в доме мужа молодая жена должна была разжечь огонь в очаге, дать ему монету [26, 45]. По сведениям З. П. Соколовой и В. И. Сподиной, у юганских хантов во время свадьбы в доме невесты у печи накрывали специальный маленький столик для угощения домашнего огня. В дар богине огня заранее готовили куклу, которую бросали в огонь во время церемонии [21, 149]. У казахов с первых шагов невесты в доме жениха совершается обряд *отқа май құю* бук. ‘заливание масла в огонь’, который символизирует ритуал задабривания духа священного огня. Огонь в свадебных обрядах обеих культур, почитаемый как святая стихия, играл значительную роль и, согласно архаическому мировоззрению, был могущественным катарсическим средством, несущим нравственное очищение и охраняющим невесту и её новый очаг [7, 91]. Тем самым, ритуалы с задабриванием огня в обеих культурах несут глубокое символическое семантическое значение в свадебной обрядности.

Схожие элементы обнаруживаются и в обрядах предварительного включения. Так, согласно И. Рюйтел [36], на свадьбе у народов, проживающих на о. Кихну, свекровь в сопровождении соответствующей песни мечом снимает с головы невесты ритуальный головной убор.

Аналогичное явление наблюдается в казахской культуре во время обряда *беташар* – ‘открывание лица’, который проводится в момент вхождения невесты в дом жениха. Как было отмечено ранее, перед отъездом невесты в дом жениха мать невесты надевает ей головной убор *саукеле*, закрывая её лицо покрывалом *желек*. В помещение с ожидающими гостями, невесту заводят под руки две *женге* – старшие снохи этой семьи, уже имеющие детей. *Беташар* проводит акын (поэт-импровизатор), который в песенной или речитативной форме под аккомпанемент *домбры* (казахский двухструнный музыкальный инструмент) исполняет песню *беташар жыр*, в подчёркнуто хвалебной форме знакомя невесту поочередно с предками семьи, родителями и группами родственников жениха. Невеста вместе с *женге* (их задача показать невесте, кому адресуется поклон) после каждого куплета-посвящения делает поклон (*салем беру*) представляемым родственникам жениха.

Каждая группа родственников, которым поклонилась невеста, в свою очередь, благодарит акына, одаривая, как правило, деньгами. Заканчивается текст *беташар жыр* благопожеланиями – *бата*.

После представления всех родственников наступает кульминация ритуала: акын грифом своей домбры приподнимает покров *желек*, открывая лицо невесты. В этот момент старшие родственницы жениха совершают обряд *шашу* – осыпание новобрачных сладостями и монетками, с пожеланиями молодым счастья, плодовитости и изобилия. *Беташар* символизирует включение невесты в родовой коллектив жениха, который принимает её не только как жену и будущую мать, но и как нового члена семьи, рода.

На определённых этапах свадебного обряда главной действующей фигурой в обеих культурах выступает человек, руководящий застольем / торжеством. К примеру, у юганских хантов его звали *партыко* ‘говорящий’, ‘шаманящий’. Во время церемонии, *партыко* обращался к Торуму, просил благополучия и здоровья молодым, семье, всем присутствующим» [13, 162]. У ненцев «в старину могли пригласить шамана, который предсказывал молодым количество будущих детей [23, 88].

Шаман у финно-угорских народов и акын (поэт-импровизатор) у казахов в свадебной обрядности исполняют одну и ту же роль, которая, вероятнее всего, устанавливала «защиту от злых духов» новобрачных и «освещения» брака. Казахский учёный Е. Д. Турсунов происхождения поэта-импровизатора – *акына* возводит к шаманской традиции – *баксы*, основная роль которых заключатся в предсказании (*бақ* ‘смотреть’, ‘высматривать’, ‘видеть’) [28, 79]. Особым моментом ритуала инициации невесты в обеих культурах, символизирующим включение невесты в родственный коллектив, можно считать снятие её головного убора и открывание лица. У обских угров, наоборот, лицо невесты закрывают платком, и она всю жизнь соблюдает обряд избегания в среде родственников мужа.

На каждом этапе свадебной обрядности в обеих культурах огромную роль играют угощения / застолья / трапезы, которые рассматриваются исследователями [1; 13; 14; 26] не только как обильное пиршество, а как сакральное акт с обязательными благословениями, благопожеланиями молодым и их родителям. К примеру, у марийцев после угощений совершалось моление: молитву произносил либо отец невесты, либо приглашённый мулла [32, 54]. Получение благословения *бата* у казахов от представителей старшего поколения (аксакалов) важная часть не только свадебной церемонии, но во время проведения других ритуальных действий.

Как известно, в традиционной культуре трапеза – сакральное действие. Исследуя обряды ханты, связанные с едой, Т. Р. Пятникова отмечает, что пищу и другие приношения можно считать сделкой между человеком и божеством, когда жертва предлагается взамен тех или иных благ. Во время обрядов пища исполняет роль посредника между человеком и божествами [17, 39]. Сакральный характер имеет и свадебная трапеза казахов, которая сопровождается целым набором обрядовых элементов.

Обсуждение и заключение

Сравнительный анализ свадебных обрядов перехода в финно-угорской (обских угров) и тюркской (казахов) культурах показал схожесть комплексов, характеризующую ритуалами отделения, промежуточного и предварительного включения. При наличии характерных специфических черт, в обеих культурах прослеживаются аналогичные элементы, указывающие на единство в традиционных сакральных знаниях этих народов, определяющих переходный характер статуса невесты.

В обеих культурах на каждом этапе ритуала перехода невесты из одного статуса в новый прослеживается стремление к полной и последовательной их реализации, так как успешный исход, согласно традиционным взглядам, может быть обеспечен исполнением обрядовых действий и строгого соблюдения табуации в части ритуале избегания.

В первой части свадебного обрядового комплекса происходит установление контакта живых с потусторонним миром через дары духам дома, семьи и рода невесты со стороны жениха и его родственников, через язык причитаний и т. д. Эти ритуальные действия указывают на схожие представления у исследуемых этносов о связи мира живущих с миром ушедших, об обязательном включении в свадебный обряд действий, обращенных к названным духам.

Обмен ценностями или информацией между сторонами: угощение, принятие веры мужа, присоединение собственных духов к духам супруга, жертвоприношение огню и др. является кульминацией всего обрядового комплекса инициации невесты. Этот обмен нацелен на установление гармонии в отношениях между двумя мирами: мир живых получает от духов высшие ценности – здоровье, благополучие и т. д.

Третий обязательный компонент – это выход из переходного периода, завершение ритуала,

который соотносится с обычаем благословения, обеспечивающим будущую счастливую семейную жизнь новобрачных.

Сравнительный анализ ритуалов перехода/инициации невесты в свадебной обрядности финно-угорской и тюркской культуре, не связанных общей историей, выявил схожую структурную упорядоченность этих ритуалов, элементы которой демонстрируют следование аналогичным традиционным представлениям о мироустройстве и

связях мира живых с потусторонним миром, а также устойчивую универсальность трёхчастной структуры ритуала инициации невесты в различных этнокультурных модификациях. В то же время проведённый в данном исследовании сравнительный анализ показал наличие специфических этнокультурных особенностей отдельных элементов ритуала инициации невесты, связанных с природно-климатическими условиями и хозяйственной деятельностью исследуемых этносов.

Список источников и литературы

1. Аргынбаев Х. А. Қазақ отбасы (қазақ отбасының кешегі мен бүгінгі жайындағы ғылыми зерттеу еңбек). Алматы: Қайнар, 1996. 288 б.
2. Волдина Т. В. Основные принципы реинкарнации у обских угров // Вестник угроведения. 2016. № 3 (26). С. 96–110.
3. Винокурова И. Ю. Банные обряды жизненного цикла человека в вепском культурном ландшафте // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 57–67.
4. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
5. Гумерова Г. А. Элементы духовной культуры обских угров // Вестник угроведения. 2012. № 4 (11). С. 88–95.
6. Иванова В.С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века). Ханты-Мансийск: Доминус, 2010. 282 с.
7. Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб.: Сенатская типография, 1913. 326 с.
8. Климова Е. А. Смыслы и значения традиционных обрядов в практике психотерапии // Вестник угроведения. 2013. № 4 (15). С. 109–115.
9. Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Кар. НЦ РАН, 1992. 256 с.
10. Корнишина Г. А. Предсвадебная обрядность финно-угорских народов в контексте теории А. Ван Геннепа // Вестник Мордовского университета. Серия «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки». 2014. № 3. С. 121–128.
11. Корнишина Г. А. Предметная символика мордовского свадебного обряда // Вестник угроведения. 2014. № 2 (17). С. 88–95.
12. Кузнецова В. П. Причитания в северно-русском свадебном обряде. Петрозаводск: Кар. НЦ РАН, 1992. 180 с.
13. Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М.: Народы и культуры, 1998. 235 с.
14. Мурзакуметов А. Кыргыз-өзбек этномаданий жалпылыктары. Бишкек: Борбордук Азия Университети, 2020. 124 б.
15. Попова С.А. Основные периоды жизненного пути мансийской женщины // Вестник угроведения. 2016. № 1 (24). С. 125–131.
16. Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 320 с.
17. Пятникова Т. Р. Традиционные обряды хантов усть-казымского Приобья. Екатеринбург: Баско, 2008. 77 с.
18. Пятникова Т. Р. Связь между мирами через обряды, еду // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». 2018. № 6. С. 37–39.
19. Решетникова А. П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. Якутск: Бичик, 2005. 408 с.
20. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут: Северный дом, 1993. 208 с.
21. Соколова З. П., Сподина В. И. Свадебный обряд у ханты и манси // Российский этнограф. 1993. № 3. С. 146–161.
22. Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
23. Сэрпиво С. Е. Женское пространство в культуре ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. 152 с.
24. Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. 236 с.
25. Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск: ЮчСюмер, 1995. 215 с.
26. Талигина Н. М. Обряды жизненного цикла у сыньских хантов. Томск: изд-во Том. ун-та, 2005. 176 с.
27. Тернер В. Ритуальный процесс: структура и антиструктура // Символ и ритуал. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1983. С. 116–138.
28. Турсунов Е. Д. Происхождение носителей казахского фольклора. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 322 с.
29. Федянович Т. П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX – 1980-е гг.). М.: ИЭиА РАН, 1997. 184 с.
30. Христоробова Л. С. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Ижевск: Удмуртия, 1984. 128 с.
31. Шайгозова Ж. Н., Музафаров Р. Р., Султанова М. Э. Преемственность и традиции в современной семейно-свадебной обрядности некоторых общин Казахстана (по материалам этнографических экспедиций 2016–2017 и 2018–

2019 гг.) // Казахи в Евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы. Омск: изд-во Омск. гос. ун-а, 2019. С. 144–149.

32. Ямурзина Л. В. Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода (на примере восточных мари). Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. 219 с.

33. Brook A. Initiatory Paradigms and the Ending of Sophocles' Electra // Phoenix. 2019. no. 73(1/2). pp. 15–40. DOI.org/10.7834/phoenix.73.1-2.0015.

34. Hedges P. Ritual: Ritualization, Myth, and Performance. // Understanding Religion: Theories and Methods for Studying Religiously Diverse Societies. Oakland, California: University of California Press, 2021. pp. 278–300. DOI.org/10.2307/j.ctv1h1vbz6.18.

35. Nenola-Kallio A. Itkuivirsien henkilonnimitysten typologiaa // Sananjalka. 1972. no. 14. pp. 177–189.

36. Rütteil Ingrid. Wedding Songs and Ceremonies of the Kihnu Island in Estonia. The World of Music. 2002. Vol. 44, no. 3. pp. 131–151. URL: JSTOR, www.jstor.org/stable/41699454 (дата обращения: 11.04.2021)

37. Tadyshcheva N. O. Bride-kelin: ritual codex of traditional wedding rituals of the Sayan-Altai turks. World of Great Altay. 2020. no. 5. pp. 337–350.

38. Wright Ch. The Rites of Passage. A New History of the Church in Wales. 2020. pp. 198–214. DOI.org/10.1017/9781108583930.014.

References

1. Argynbayev H. A. *Qazaq otbasy (qazaq otbasynyn keshegesi men bugingisi zhayyandagy gylymi zertteu enbek)* [Kazakh family (the scientific study about the past and present of a Kazakh family)]. Almaty: Kainar Publ., 1996. 288 p. (In Kazakh)

2. Voldina T. V. *Osnovnye principy reinkarnatsii u obskih ugrov* [Basic principles of reincarnation among the Ob-Ugric people]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 3 (26), pp. 96–110. (In Russian)

3. Vinokurova I. Yu. *Bannye obryady zhiznennogo cikla cheloveka v vepsском kul'turnom landshafte* [Bath ceremonies of the human life cycle in the Vepsian cultural landscape]. *Trudy Karelskogo nauchnogo centra RAN* [Proceeding of the Karelian Scientific Centre of the Russian Academy of Science], 2012, no. 4, pp. 57–67. (In Russian)

4. Gennep A. van. *Obryady perekhoda. Sistematischeskoe izuchenie obryadov* [Rites of transition. Systematic study of rituals]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1999. 198 p. (In Russian)

5. Gumerova G. A. *Elementy duhovnoj kul'tury obskih ugrov* [Elements of spiritual culture of the Ob-Ugric people]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2012, no. 4 (11), pp. 88–95. (In Russian)

6. Ivanova V. S. *Lokal'nye osobennosti v obryadnosti severnyh mansi (konets XIX – nachalo XXI veka)* [Local features in the rituals of the Northern Mansi (late XIX – early XXI centuries)]. Khanty-Mansiysk: Dominus Publ., 2010. 282 p. (In Russian)

7. Kagarov E. G. *Kul't fetishej, rastenij i zhivotnyh v drevnej Grecii* [Cult of fetishes, plants and animals in Ancient Greece]. Saint-Petersburg: Senatskaya tipografiya Publ., 1913. 326 p. (In Russian)

8. Klimova E. A. *Smysly i znacheniya tradicionnyh obryadov v praktike psihoterapii* [Meanings and significations of traditional rituals in the practice of psychotherapy]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2013, no. 4 (15), pp. 109–115. (In Russian)

9. Konkka U. S. *Poeziya pechali. Karelskie obryadovye plachi* [Poetry of sorrow. Karelian ritual lamentations]. Petrozavodsk: Kar. NZ RAN Publ., 1992. 256 p. (In Russian)

10. Kornishina G. A. *Predsvadebnaya obryadnost' finno-ugorskih narodov v kontekste teorii A. Van Gennepa* [Pre-wedding rituals of the Finno-Ugric peoples in the context of the theory by A. van Gennep's theory]. *Vestnik Mordovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki»* [Bulletin of Mordovian University. Humanities, Socio-Economic and Social Sciences Series], 2014, no. 3, pp. 121–128. (In Russian)

11. Kornishina G. A. *Predmetnaya simbolika mordovskogo svadebnogo obryada* [Subject symbolism of the Mordovian wedding rite]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2014, no. 2 (17), pp. 88–95. (In Russian)

12. Kuznetsova V. P. *Prichitanija v severno-russkom svadebnom obryade* [Lamentations in the northern Russian wedding ceremony]. Petrozavodsk: Kar. nauchnyj centr RAN Publ., 1992. 180 p. (In Russian)

13. Martynova E. P. *Ocherki istorii i kul'tury hantov* [Essays on the history and culture of the Khanty people]. Moscow: Narody i kul'tury Publ., 1998. 235 p. (In Russian)

14. Murzakmetov A. *Kyrgyz-ozbek etnomadaniy zhalpylyktary* [Kyrgyz-Uzbek ethno-cultural commonalities]. Bishkek: Borborduk Aziya Universiteti Publ., 2020. 124 p. (In Kyrgyz)

15. Popova S. A. *Osnovnye periody zhiznennogo puti mansijskoj zhenshchiny* [The main periods of the life of a Mansi woman]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 1 (24), pp. 125–131. (In Russian)

16. Plesovskiy F. V. *Svad'ba naroda komi* [Wedding of the Komi peoples]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1968. 320 p. (In Russian)

17. Pyatnikova T. R. *Tradicionnye obryady hantov ust'-kazym'skogo Priob'ya* [Traditional ceremonies of the Khanty people of Ust-Kazym Ob region]. Yekaterinburg: Basko Publ., 2008. 77 p. (In Russian)

18. Pyatnikova T. R. *Svyaz' mezhdumirami cherez obryady, edu* [Connection between the worlds through rituals and food]. *Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya «Poznanie»* [Modern science: Actual problems of theory and practice. Series «Cognition»], 2018, no. 6, pp. 37–39. (In Russian)

19. Reshetnikova A. P. *Fond syuzhetnyh motivov i muzyka olonho v etnograficheskom kontekste* [Fund of plot motifs and Olonkho music in ethnographic context]. Yakutsk: Bichik Publ., 2005. 408 p. (In Russian)
20. Rombandeeva E. I. *Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaya kul'tura* [History of the Mansi people (Vogul) and their spiritual culture]. Surgut: Severnyj dom Publ., 1993. 208 p. (In Russian)
21. Sokolova Z. P., Spodina V. I. *Svadebnyj obryad u hanty i mansi* [Wedding ceremony of the Khanty and Mansi peoples]. *Rossijskij etnograf* [Russian Ethnographer], 1993, no. 3, pp. 146–161. (In Russian)
22. Sokolova Z. P. *Hanty i mansi: vzglyad iz XXI v.* [The Khanty and Mansi peoples: a view from the XXI century]. Moscow: Nauka Publ., 2009. 756 p. (In Russian)
23. Serpivo S. E. *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture nencev* [Women's space in the culture of the Nenets people]. Saint-Petersburg: Istoricheskaya illyustraciya Publ., 2016. 152 p. (In Russian)
24. Surhasko Yu. Yu. *Karel'skaya svadebnaya obryadnost' (konec XIX – nachalo XX v.)* [Karelian wedding rituals (late XIX – early XX centuries)]. Leningrad: Nauka Publ., 1977. 236 p. (In Russian)
25. Tadina N. A. *Altajskaya svadebnaya obryadnost' (XIX–XX vv.)* [Altai wedding rituals (XIX–XX centuries)]. Gorno-Altaysk: YuchSumer Publ., 1995. 215 p. (In Russian)
26. Taligina N. M. *Obryady zhiznennogo cikla u synskih hantov* [Rites of the life cycle of the Synya Khanty people]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta Publ., 2005. 176 p. (In Russian)
27. Terner V. *Ritual'nyj process: struktura i antistruktura* [Ritual process: structure and anti-structure]. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka. Glav. redakciya vostochnoj literatury Publ., 1983. pp. 116–138. (In Russian)
28. Tursunov E. D. *Proiskhozhdenie nositelej kazahskogo fol'klora* [Origin of the bearers of Kazakh folklore]. Almaty: Dike-Press Publ., 2004. 322 p. (In Russian)
29. Fedyanovich T. P. *Semejnye obychai i obryady finno-ugorskih narodov Uralo-Povolzh'ya (konec XIX – 1980-e gg.)* [Family customs and rituals of the Finno-Ugric peoples of the Ural-Volga region (late XIX – 1980s)]. Moscow: IEiA RAN Publ., 1997. 184 p. (In Russian)
30. Khristolyubova L. S. *Semejnye obryady udmurtov (tradicii i processy obnovleniya)* [Family rites of the Udmurt people (Traditions and processes of renewal)]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1984. 128 p. (In Russian)
31. Shaygozova Zh. N., Muzafarov R. R., Sultanova M. E. *Preemstvennost' i tradicii v sovremennoj semejno-svadebnoj obryadnosti nekotoryh obshchin Kazahstana (po materialam etnograficheskikh ekspeditsij 2016–2017 i 2018–2019 gg.)* [Continuity and traditions in modern family and wedding ceremonies of some communities of Kazakhstan (on materials of ethnographic expeditions 2016–2017 and 2018–2019)]. *Kazahi v Evrazijskom prostranstve: istoriya, kul'tura i sociokul'turnye processy* [Kazakh peoples in the Eurasian space: history, culture and socio-cultural processes]. Omsk: izd-vo Omsk. gos. un-ta Publ., 2019. pp. 144–149. (In Russian)
32. Yamurzina L. V. *Obryady semejnogo cikla mari v kontekste teorii obryadov perekhoda (na primere vostochnyh mari)* [Rites of the Mari family cycle in the context of the theory of rites of transition (on the example of the Eastern Mari people)]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. 219 p. (In Russian)
33. Brook A. Initiatory Paradigms and the Ending of Sophocles' Electra. *Phoenix*, 2019, no. 73 (1/2), pp. 15–40. DOI.org/10.7834/phoenix.73.1-2.0015. (In English)
34. Hedges P. Ritual: Ritualization, Myth, and Performance. *Understanding Religion: Theories and Methods for Studying Religiously Diverse Societies*. Oakland, California: University of California Press, 2021. pp. 278–300. DOI.org/10.2307/j.ctv1h1vbz6.18. (In English)
35. Nenola-Kallio A. Itkuvirsien henkilonnimitysten typologiaa. *Sananjalka*, 1972, no. 14, pp. 177–189. (In Finnish)
36. Rüütel Ingrid Wedding Songs and Ceremonies of the Kihnu Island in Estonia. *The World of Music*, 2002, no. 44 (3), pp. 131–151. Available at: www.jstor.org/stable/41699454 (accessed April 11, 2021). (In English)
37. Tadyshva N. O. Bride-kelin: ritual codex of traditional wedding rituals of the Sayan-Altai turks. *World of Great Altay*, 2019, no. 5, pp. 337–350. (In English)
38. Wright Ch. The Rites of Passage. In Book: *A New History of the Church in Wales*, 2020, pp. 198–214. DOI.org/10.1017/9781108583930.014. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наурзбаева Альмира Бекетовна, профессор, Казахская национальная консерватория имени Курмангазы (050002, Республика Казахстан, Алматинская область, г. Алматы, пр. Абылай хана, д. 86), доктор философских наук.
naurzbaeva_a@mail.ru
ORCID.ID: 0000-0002-4604-6835

Шайгозова Жанерке Наурзбаевна, ассоциированный профессор кафедры художественного образования, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (050002, Республика Казахста, Алматинская область, г. Алматы, пр. Достык, д. 13), кандидат педагогических наук.
zanna_73@mail.ru
ORCID.ID: 0000-0001-8167-7598

Кульсариева Сабира Паридоновна, главный научный сотрудник, доцент, Казахский научно-исследовательский институт культуры (050002, Республика Казахстан, Алматинская область, г. Алматы, ул. Ш. Калдаякова, д. 35/23), кандидат исторических наук.

aribasya@gmail.com

ORCID.ID: 0000-0001-7141-6853

ABOUT THE AUTHORS

Naurzbaeva Almira Beketovna, Professor, Kurmangazy Kazakh National Conservatory (050002, Republic of Kazakhstan, Almaty Oblast, Almaty, Abylai Khan Av., 86), Doctor of Philosophical Sciences.

naurzbaeva_a@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0002-4604-6835

Shaygozova Zhanerke Naurzybaevna, Associate Professor, Department of Art Education, Abai Kazakh National Pedagogical University (050002, Republic of Kazakhstan, Almaty Oblast, Almaty, Dostyk Av., 13), Candidate of Pedagogical Science.

zanna_73@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0001-8167-7598

Kulsarieva Sabira Paridonovna, Chief Researcher, Associate Professor, Kazakh Research Institute of Culture (050002, Republic of Kazakhstan, Almaty Oblast, Almaty, Sh. Kaldayakov st., 35/23), Candidate of Historical Sciences.

aribasya@gmail.com

ORCID.ID: 0000-0001-7141-6853